

В. Розанов

Опавшие листья

Короб второй

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Р64

Р64 **Розанов В.**
Опавшие листья: Короб второй / В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
522 с.

ISBN 978-5-458-10495-1

Опавшие листья. Короб второй и последний.

ISBN 978-5-458-10495-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. И всякій дурной корень она жадно хватается и произращает изъ него обильнѣйшіе плоды. А добрый корень умерщвляетъ.

(смотря на портретъ Страхова: почему изъ «сочиненій Страхова» ничего не вышло, а изъ «сочиненій Михайловскаго» вышли школьные учителя, Тверское земство и множество добросовѣстно работающихъ, а частью только болтающихъ, врачей).

Страшная пустота жизни. О, какъ она ужасна...

Теперь въ новыхъ печкахъ повернулъ ручку въ одну сторону — труба открыта, повернулъ въ другую сторону — труба закрыта.

Это не благочестиво. Потому что вѣтъ разума и заботы.

Прежде, возьмешь маленькую вьюшку — и надо ее не склонить ни вправо, ни влево — и она ляжетъ разомъ и пріятно. Потомъ большую вьюшку, — и она покроетъ ее, какъ шапка.

Это правпльно.

Разъ я видѣлъ новое жнитво: не мужикъ, а рабочій сидѣлъ въ чемъ-то, ни — телѣга, ни — другое что, ее тянула пара лошадей; колымага колыхалась, и мужикъ въ ней колыхался. А справа и слѣва отъ колымаги, какъ клешни, вскидывались кверху не то кóсы, не то грабли. И дѣлали дѣло, не спору — за двѣнадцать дѣвушекъ. Только дѣвушки-то эти теперь сидѣли съ молодцами за лѣскомъ и финтили. И сколько имъ ни наработаетъ рабочій съ клешнями, онѣ все профинтятъ.

Выйдутъ замужъ — и профинтятъ мужнее.

Мужъ, видя, что жена финтитъ — завель себѣ на сторонѣ «зазнобушку».

И повалилось хозяйство.

И повалилась деревня.

А когда деревни повалились — зачернѣлъ и городъ.

Потому что не стало головы, разума и Бога.

Несутъ письма, какіе-то теософическіе журналы (не выписываю). Какое-то «Таро»... Куда это? зачѣмъ мнѣ?

«Прочти и загляни».

Да почему я долженъ во всѣхъ васъ заглядывать?

Тò знаніе цѣнно, которое острой иглой прочертило по душѣ. Вялыя знанія — безцѣнны.

(на поданной почтовой квитанціи).

Съ выпученными глазами и облизываю-
щійся—вотъ я.

Некрасиво?

Что дѣлать:

...иногда кажется, что во мнѣ происхо-
дитъ разложеніе литературы, самаго су-
щества ея. И, можетъ быть, это есть мое
міровое «emploi». Тутъ и моя (особая) мо-
раль, и имморальность. И вообще мои де-
фекты и качества. Иначе, нельзя понять.
Я ввелъ въ литературу самое мелочное, ми-
молетное, невидимыя движенія души, пау-
тинки быта. Но вообразить, что это было
возможно потому, что «я захотѣлъ», ни-
какъ нельзя. Сущность гораздо глубже,
гораздо лучше, но и гораздо страшнѣ (для
меня): безгранично страшно и грустно. Ко-
нечно, не бывало еще примѣра, и повторе-
ніе его немислимо въ мірозданіи, чтобы
въ тотъ самый мигъ, какъ слезы текутъ, и
душа разрывается—я почувствовалъ не оши-
бающимся ухомъ слушателя, что онѣ те-

кутъ литературно, музыкально, «хоть записывай»: и вѣдь только потому я записывалъ («Уединенное»,—дѣвочка на вокзалѣ, вентиляторъ). Это такъ чудовищно, что Неронъ бы позавидовалъ; и «простимо» лишь потому, что фатумъ. Да и простимо-ли?.. Но оставимъ грѣхи; такимъ образомъ явно во мнѣ есть какое-то завершеніе литературы; литературности; ея существа,—какъ потребности отразить и выразить. Больше что-же еще выражать? Паутины, вздохи, *послѣднее уловимое*. О, фантазировать, творить еще можно: но вѣдь суть литературы не въ *вымысль-же*, а въ потребности *сказать сердце*. И вотъ съ этой точки я кончаю и кончилъ. И у меня мелькаетъ странное чувство, что я *послѣдній* писатель, съ которымъ литература вообще прекратится, кромѣ хлама, который тоже прекратится скоро. Люди стануть просто *жить*, считая смѣшнымъ и ненужнымъ, и отвратительнымъ литераторствовать. Отъ этого, можетъ быть, у меня и сознание какого-то «послѣдняго несчастья», сливающегося въ моемъ чувствѣ съ «я». «Я» это ужасно, гадко, огромно, трагично послѣдней трагедіей: ибо въ немъ какъ-то діалектически «разломилось и исчезло» колоссальное тысячилѣтнее «я» литературы.

— Фу, гадъ! Исчезни и пропади!

Это частое мое чувство. И какъ тяжело съ нимъ жить.

(дожидаясь очереди пройти исповдываться). (1-ая гимназія).

Какіе добрые бываютъ (иногда) попы. Иванъ Павлинычъ взялъ подъ мышку мою голову, и, дотронувшись пальцемъ до лба, сказалъ:—«Да и что мы можемъ знать съ нашей черепушкой»? (мозгомъ, разумомъ, черепомъ). Я ему сказалъ разные эквивоки и «сомнѣнія» за годы Рел.-фил. собраній. И такъ сладко было у него поцѣловать руку. Исповѣдывалъ кратко. Ждутъ. Служба и доходы. Такъ «быть» мѣшается съ небеснымъ глаголомъ,—и не забывай о бытѣ, слушая глаголъ, а, смотря на бытъ, вспомни, что ты, однако, слышалъ и глаголы. Но Слободской—глубоко безкорыстенъ. Спасибо ему. Милый. Милый и умный (очень).

Есть люди, которые рождаются «ладно», и которые рождаются «не ладно».

Я рожденъ «не ладно»: и отъ этого такая странная, колючая біографія, но довольно любопытная.

«Не ладно» рожденный человекъ всегда чувствуетъ себя «не въ своемъ мѣстѣ»: вотъ, именно, какъ я всегда чувствовалъ себя.

Противоположность—бабушка (А. А. Руднева). И ея благородная жизнь. Вотъ кто родился... «ладно». И въ бѣдности, ничтожествѣ положенія — какой непрерывный *святъ* отъ нея. И польза. Отъ меня, я думаю, никакой «пользы». Отъ меня—«смута».

Я могъ-бы наполнить багровыми клубами дыма міръ... Но не хочу.

[«Люди луннаго свѣта» (если-бы настаивать); 22 марта 1912 г.].

И сгорѣло-бы все... Но не хочу.

Пусть моя могилка будетъ тиха и «въ сторонкѣ».

(«Люди лун. св.», тогда-же).

Работа и страданіе—вотъ вся моя жизнь. И утѣшеніемъ — что я видѣлъ заботу «друга» около себя.

Нѣтъ: что я видѣлъ «друга» въ самомъ себѣ. «Портретное» превосходило «работное». Она еще болѣе меня страдала и еще больше работала.

Когда рука уже висѣла,—въ гнѣвѣ на недвижность (весна 1912 года), она остано-
вись среди комнаты—нѣсколько разъ взмах-
нула обѣими руками: правая дѣлала пол-
ный оборотъ, а лѣвая—поднималась только
на небольшую дугу, и со слезами стала вы-
крикивать, какъ-бы топя на больную руку:

— Работай! Работай! Работай! Работай!

У ней было все лицо въ слезахъ. Я за-
меръ. И въ восторгѣ, и въ жалости.

*(лѣвая рука имѣетъ жизнь только
въ плечь и локоть).*

«Ты тронь кожду его», — искушалъ Са-
тана Господа объ Іовѣ...

Эта «кожа» есть у всякаго, у всѣхъ, но только она не одинаковая. У писателей, такихъ великодушныхъ и готовыхъ «умереть за человѣка» (человѣчество), вы попробуйте задѣть ихъ *авторство*, сказавъ: «*плохо пишете*, господа, и *скучно* васъ читать»,—и они съ васъ кожу сдерутъ. Филантропы, кажется, очень не любятъ *отчета* о деньгахъ». Что касается «духовнаго лица», то оно, конечно, «все въ благодати»: но вы затроньте его со стороны «рубля» и награды—къ празднику—«палицей», крестомъ или камиллавкой: и «лицо» начнетъ такъ ругаться, какъ-бы русскіе никогда не были крещены при Владимірѣ...

(получивъ письмо попа Алюбова).

Ну, а у тебя, Вас. Вас., гдѣ «кожа»?

Сейчасъ не приходитъ на умъ, но, конечно — *есть*.

Поразительно, что у «друга» и Устьянскаго нѣтъ «кожи». У «друга» — навѣрное, у Устьянскаго — кажется, навѣрное. Я никогда не видѣлъ «друга» оскорбившимся и въ *ответъ разгнѣваннымъ* (въ этомъ все дѣло, объ этомъ Сатана и говорилъ). Восхитительное въ немъ — полная и спокойная

гордость, молчаливая, и которая ни разу не сжалась и, разогнувшись пружиной, отвѣтила-бы ударомъ (въ *этомъ* дѣло). Когда ее тѣснятъ — она посторонится; когда нагло смотрять на нее — она отходитъ въ сторону, отступаетъ. Она никогда не поспорила, «кому сойти съ тротуара», кому стать «на коврикъ», — всегда и первая уступающая каждому, до зова, до спора. Но вотъ прелесть: когда она отступала — она всегда была царицею, а кто «вступалъ на коврикъ» — былъ и казался въ этотъ мигъ «такъ себѣ». Кто училъ?

Врожденное.

Прелесть манеръ и поведенія — всегда врожденное. Этому нельзя научить и выучиться. «Въ моей походкѣ — душа». Къ сожалѣнію, у меня, кажется, преотвратительная походка.

Цензоръ только тогда начинаетъ «понимать», когда его Краевскій съ Некрасовымъ кормятъ обѣдомъ. Тогда у него начинается пищевареніе, и онъ догадывается, что «Щедрина надо пропустить».